

Н.Н. Цветаева

**БИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ:
ЛОГИКА ЖИЗНИ И ЛОГИКА ИДЕОЛОГИИ**

В статье представлены некоторые результаты качественного анализа материалов из собрания Биографического фонда Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург). Анализируются биографические нарративы людей крестьянского происхождения, очевидцев социальных коллизий становления советской власти. Исследуются особенности их мировосприятия, которые сложились под влиянием нормативных формул советской идеологии, породив противоречия в логике изложения их биографических нарративов, противоречия между логикой жизни и логикой советской идеологии.

Ключевые слова: биографические нарративы, качественный анализ, особенности мировосприятия, влияние формул советской идеологии.

Nina N. Tsvetaeva

**BIOGRAPHICAL NARRATIVES
OF SOVIET PERIOD:
LOGIC OF LIFE AND LOGIC OF IDEOLOGY**

The paper presents some qualitative analysis results of the Biographical collection obtained by Sociological Institute of the Russian academy of sciences (Saint Petersburg). The author examines the biographical narratives of people of peasant origin, eyewitnesses of social collisions of becoming of soviet power. Attention of author is devoted to the analysis of features of their outlook on life that were formed under the influence of normative patterns of soviet ideology. Influence of these patterns generated contradictions in the logic of exposition of their biographic narratives, as well as the contradictions between logic of life and logic of soviet ideology.

Keywords: biographical narratives, qualitative analysis, features of outlook on life, influence of patterns of soviet ideology.

Моя работа с биографическими нарративами (историями жизни обычных людей) построена на материалах собрания Биографического фонда Социологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург)¹. Формулировка представленной в этой статье проблемы во многом была обусловлена временем перестройки и острой критики советской идеологии, которая на протяжении десятилетий закрывала все проявления повседневной жизни людей единой сеткой нормативных идеологических формул. Для понимания начавшихся тогда перемен особый интерес, на мой взгляд, представляла задача исследовать, какие привычки сознания и представления людей скрывались под этой сеткой, насколько формулы советской идеологии повлияли на эти привычки и представления. Отчасти подобная формулировка проблемы была созвучна работам социальных историков (школа «Анналов», альманах «Одиссей», работы А.Я. Гуревича), которые говорили о необходимости различать обыденные представления людей, с одной стороны, и нормативные документы эпохи — с другой, и сформулировали проблему изучения истории «снизу», истории повседневной жизни, истории ментальностей.

Непосредственным импульсом так сформулированной проблемы стали обнаруженные мной противоречия в логике изложения биографических нарративов, присланных в Фонд. Например, человек, рассказывающий о разорении в процессе коллективизации крестьянского хозяйства своей семьи, не только не обвинял в этом советскую власть, а, напротив, в каком-то смысле ее оправдывал, используя для этого оценочные формулы советской идеологии.

Конечно, сохранять лояльность и избегать критики в отношении идеологического порядка, который господствовал в обществе на протяжении многих десятилетий, для советского человека было привычным и вполне объяснимым явлением. Проблемой представлялось то, что такого рода противоречия читались в биографических нарративах тех людей, которые в той или иной степени были

---

¹ Фонд был создан в 1989 г. и на сегодняшний день содержит более 800 единиц хранения, в числе которых автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов.

жертвами этого порядка и лично пострадали от реализации его установок. Кроме того, это были биографические нарративы, созданные в начале 1990-х годов, когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии и общество освобождалось от установок и страхов прошлого.

Важно также, что эти противоречия трудно было объяснить инфантильностью оценочного сознания, свойственной малообразованным людям, так как они читались и в нарративах людей, получивших высшее образование и в силу этого имеющих возможность додумывать и обосновывать свои оценки. Отметим и то, что речь шла не об убеждениях человека, который вполне мог быть приверженцем советской идеологии и отстаивать свои убеждения даже вопреки собственному опыту жизни. Однако никакой рациональной логики в объяснении этих противоречий авторы биографических нарративов не обнаруживали.

«Истоки» советского биографического дискурса

Исследование причин и «истоков» образования такого рода противоречий началось с биографических нарративов людей, принадлежавших к поколению очевидцев и участников социальных коллизий становления советской власти. В основном это были рассказы городских жителей крестьянского происхождения, которые так или иначе пережили травму коллективизации крестьянского хозяйства их семьи и в мировосприятии которых столкнулись традиционная крестьянская культура и идеологические установки нового социального строя. Интерес к биографическим нарративам этих людей был обусловлен также данными демографической статистики конца 1980-х годов, которые свидетельствовали о том, что процесс превращения России из крестьянской страны в городскую еще не завершен и что «сегодняшний горожанин — сплошь и рядом вчерашний крестьянин» [Вишневский 1989: 62]. Казалось важным и то, что эти социальные слои долгие годы были доминантой социально-культурной динамики советского общества, причем не только в силу масштабности и массовости миграции крестьян в города. На них в большой степени была ориентирована пропагандистская модель советской идеологии, так что мировосприятие этих людей

и названная модель развивались, можно сказать, параллельно, подстраиваясь друг под друга. Таким образом, влияние крестьянской культуры сказывалось на многих социальных процессах, происходивших в обществе, и, по всей видимости, сказывается и сегодня.

Рассмотрим теперь на материале биографических нарративов представителей поколения бывших крестьян характерные особенности того типа мировосприятия, который сложился под воздействием нормативных формул советской идеологии, породив противоречия между логикой жизни и логикой идеологии. Проведенный анализ представлен в форме краткого пересказа биографических нарративов с выделением фрагментов, характеризующих навыки их авторов осмысливать события своей жизни. Выражения, которые помогают характеризовать лексическую специфику нарративов и подчеркивают присущий их авторам стиль, заключены в кавычки.

**«Переход в пролетарскую жизнь»
и неумение жить «в пустом доме»**

Крестьянское мировосприятие как особый способ мышления и особую культуру образно иллюстрирует отрывок из биографического нарратива (1990 г.) одного из бывших крестьян. Он так рассказывает о коллективизации в родной деревне и связанных с ней трудностях психологической адаптации крестьян к новому образу жизни: *«Вот сейчас говорят — “раскрестьянили народ”. Его не “раскрестьянили”, его просто-напросто убили в 30-е годы. Ведь как крестьянину было оторвать от себя все: и движимое, и недвижимое, и живое, и мертвое. И остаться не у дел — в пустом доме. Чем жить, как жить, на что надеяться или верить. Ведь каждый дом, каждая семья сама, из своего хозяйства, решала, на что рассчитывать. Обувались, одевались, пили, ели исключительно деревней...»*

Эти свойства крестьянского мировосприятия — неумение жить «в пустом доме», отсутствие навыков отвлеченного мышления, ситуационная связанность сознания — отчетливо проявляются в биографических нарративах бывших крестьян. Психологи называют этот способ мышления практическим, ситуационным, отличая его от теоретического, категориального. Можно сказать, что адаптация

этого слоя людей к новым культурным кодам осуществляется не через сознание, а через практику, призму житейской необходимости.

Тем не менее уже сам факт переезда крестьянина в город ставит его в привилегированное (по сравнению с крестьянским) положение и влечет за собой перемены в его мировосприятии. Для иллюстрации того, как происходил *«переход в пролетарскую жизнь»*, рассмотрим биографический нарратив (1990 г.) мужчины 1914 г.р., по происхождению крестьянина, с 1932 г. жителя Ленинграда.

Многие обстоятельства его детства типичны для выходцев из крестьянской среды: трудовая, дружная многодетная крестьянская семья, любовь к крестьянскому труду привита образом жизни и любимым дедом. С 9 до 12 лет учился в школе, но продолжить учебу — в ШКМ — не смог, так как не отпустил отец: был старшим сыном, а семье нужны были работники. С 12 лет *«работал уже всюю»*. *«И такая жизнь продолжалась до 1928 г.»*. Началась коллективизация — *«обобществление хозяйства»*. *«В 1931 г. начали загонять в колхоз всех чуть ли не под пистолетом... Пришлось войти в коллективное хозяйство»*. Осенью 1931 г., когда нужно было обобществлять скот, *«тут море слез было. Столько слез я никогда не видел. Все отобрано. У нас оставили одну корову на 9 человек»*.

Осенью 1932 г. его работа в колхозе и на лесозаготовках была прервана конфликтом с колхозным начальством из-за того, что в колхозе загубили выхоженного им жеребенка, который попал под обобществление. Грозил неприятности, надо было уезжать из деревни. И он уехал в Ленинград к дяде, который работал управдомом. Дядя помог ему устроиться учеником водопроводчика.

В 1936 г. он был призван в армию, *«отслужил кадровую»*. После службы *«выучился на специальность»* — стал электромонтером. *«Немного прошло после учебы, и загрел на Финскую»*. В мае 1940 г. вернулся, но *«через год и месяц началась Отечественная война. Опять в солдаты»*. Пережил блокаду, защищал город, был добровольцем на *«знаменитом Невском пятачке»*. После прорыва блокады воевал в Прибалтике и Польше. Демобилизовался и *«в канун 7 ноября 1945 г. приехал в Ленинград»*. Жить было негде, так как дом, в котором он жил до войны, был разрушен.

На этом периоде жизни (когда ему чуть больше тридцати лет) он неожиданным образом заканчивает свой (до этого довольно под-

робный) рассказ следующими фразами: *«Что было делать? Надо было искать приют. И в 1946 г. этот приют я нашел. Женился. Потом семья. Двое детей. Тяжелая тоже жизнь была. Ну, это все переживали после войны»*. И здесь же подводит итог: *«Вот и вся жизнь моя. Вроде она и интересная, с перипетиями. Я иногда подумую: стоит ли человеку родиться, чтобы такую жизнь прожить? А ведь, может быть, в этой-то мельнице и жизнь вся?»*

Эти подытоживающие нарратив фразы неожиданно обнаруживают, что рассказчик, несмотря на свою любовь к крестьянской жизни, которая явствует из его повествования, значимой считает ту часть своего жизненного пути, ту *«мельницу»*, которая сделала его участником социальных коллизий, *«перипетий»* его времени. С эмоциями и подробностями рассказывая о жизни в деревне, коллективизации, начальном периоде жизни в городе, об участии в войнах, он не считает нужным говорить о своей жизни после войны, потому что тяжелая жизнь, которую *«все переживали после войны»*, по его мнению, обыденна и не представляет интереса.

В определенном смысле итог этого рассказа воспроизводит норму советской идеологии, что ценность человеческой жизни определяется прежде всего ее социально значимыми моментами. Симптоматично, что эта норма тем или иным образом воспроизводится и в других биографических нарративах: и когда их авторы приводят списки должностей, подтверждающих их социальную значимость, и когда стараются забыть о том, что им дорого, как это делает автор данного повествования. Подводя таким образом итог жизни, он не только не высказывается в пользу других смыслов человеческого существования, но и как бы зачеркивает несправедливость колхозного начальства, заставившую его уехать из деревни и сломавшую его крестьянскую жизнь, к которой он *«душой прикипел»*, и искалеченные судьбы оставшихся в деревне родителей, которые бедствовали всю жизнь после развала коллективизацией крестьянского хозяйства их семьи.

Отметим еще одну важную особенность мировосприятия этого человека. Несмотря на то что смысл жизни оценивается им по меркам советской идеологии, рассказ оставляет ощущение трагической раздвоенности автора между его прежней, крестьянской, жизнью и той, которая ее сменила. С одной стороны, он хорошо

понимает, что благодаря переезду в город сумел избежать тяжелой участи крестьянина и обрести привилегии городской жизни: *«Город прельстил чистым хлебом, мясом, колбасой — всем, что твоей душе угодно»*. С другой — неоднократно высказывает сожаление по поводу судьбы крестьянства после коллективизации: *«Вот я так иногда метнусь и в деревню, метнусь и в город, думаю: как же это так? Крестьянин работает и все это производит, а так плохо живет»*.

Особым трагизмом наделены приводимые им в нарративе слова отца, оставшегося в деревне после «обобществления хозяйства»: *«У меня душа уже вытравлена. Я не знаю, кто я — крестьянин или крепостной какой-то, или барщина тут или колхоз. Я не понимаю. Я жду утра и иду работать, куда пошлют»*.

«Вытравленность души» оставшихся в коллективизированной деревне крестьян как будто передается автору нарратива от отца и присутствует в его мировосприятии, несмотря на то что сам он сумел избежать крестьянской участи. По всей видимости, ценности новой культуры не смогли заполнить «пустого дома» бывших крестьян, не дали им ощущения полноценного существования. И в определенном смысле всех их можно назвать людьми с «вытравленной душой».

Противоречия между логикой жизни и логикой идеологии

«Вытравленность души», если ее рассматривать как отсутствие преемственности и эволюционной постепенности в формировании культуры советского общества, приводит к тому, что ценности и понятия новой идеологии так и остаются «невживленными» в ткань повседневного человеческого существования. А здравомыслие и опора на жизненный опыт, присущие крестьянскому мировосприятию, со временем начинают теряться. Возможно, поэтому биографические нарративы этого поколения бывших крестьян часто выглядят как некая смесь архаических черт крестьянского мировосприятия и идеологического языка советской эпохи, как своего рода «котлованное» сознание, если воспользоваться художественным образом. Создается впечатление, что идеологические форму-

лы существуют в их мировосприятии как самостоятельная реальность, по существу, не связанная с реалиями их жизни. Причем в ряде нарративов эти формулы вступают с описываемыми ими реалиями жизни в явное противоречие.

Вот как эти диссонансы проявляются в биографическом нарративе (1991 г.) женщины 1922 г.р. Повествование она начинает с истории своего прадеда — крепостного крестьянина, прослужившего 25 лет солдатом. После службы помещик дал ему вольную и участок леса на берегу реки. Прадед расчистил землю, построил дом и женился. Так возникла деревня, где в 1922 г. родилась женщина — автор биографического рассказа. Она с любовью описывает свое детство, родителей, крестьянскую жизнь, первого учителя, который *«привил любовь к книге, к знаниям и к учительской профессии»*. В целом эту пору своей жизни женщина вспоминает детально и подробно.

Послереволюционная действительность входит в ее повествование рассказом об организации колхоза в 1934 г. и сдаче имущества в колхозную собственность. Приведем описание этого важного события крестьянской жизни: *«Пришел папа с собрания и сказал, что теперь будет колхоз. Две деревни (Бороково и Жабкино) объединились в один колхоз. Утром начали сдавать в колхозную собственность имущество. Мы сдали лошадь, сбрую для лошади, телегу, дровни, санки, плуги, борону, сарай, гумно, корову, так как у нас имелось две коровы. Мама плакала, но в дальнейшем в колхозе работать в тот период было хорошо. Все люди трудились как для себя. Колхоз маленький, и был порядок. Председатель и бригадир работали вместе со всеми, как и раньше в единоличном хозяйстве, другого начальства не было»*.

То, что эта женщина рачительно, по-крестьянски, помнит и перечисляет все, что сдала ее семья в колхозную собственность почти 60 лет назад, подтверждает, каким сильным переживанием для крестьянина было обобществление хозяйства в период коллективизации. Сложность этих переживаний не исчезает и у человека, впоследствии оторвавшегося от крестьянской жизни. Тем не менее, подытоживая это событие, она высказывается в пользу колхоза, но такого, каким он был *«в тот период»*, и в той форме, которая была близка к *«единоличному хозяйству»*. Однако критика последующего

развития колхоза, которую можно предчувствовать в этом описании, так и не появится в ее рассказе.

В 1936 г. от тяжелой болезни умирает отец рассказчицы. Мать остается одна с пятью детьми. Описывает свою жизнь в этот период она следующим образом: *«Пенсии не было нам. Колхозникам не давали пенсию. Льгот тоже не было. Платили большой налог, страховку, заем, самообложение. Выполняли 360 литров молока, 40 килограммов мяса, 50 яиц, шерсть, кожу с поросенка и с овец. Корову подоим и несем на сборный пункт за 3 километра молоко. Носили я и сестра. За ведро молока дадут литра два обратно (одна сыворотка). жирность молока запишут маленькую. Вот и носили не 360 литров, а 400 или больше. Держит мама овец, а осенью весь молодняк отдать надо. Часть на выполнение мяса, а другую повезет в Ленинград, чтобы привезти денег на уплату налога и других платежей».*

Казалось бы, за описанием тяжелой крестьянской жизни в колхозе должна последовать критика этой системы хозяйствования. Но автор нарратива делает противоположный вывод, по сути, оправдывая существовавший порядок: *«Тяжело жилось, но мы не батрачили, не нищенствовали. Все люди в колхозе были довольны, никто никуда не уезжал. У нас в период коллективизации не раскулачивали никого. Наша семья до коллективизации считалась середняками, так как имели две коровы, а кулаков не было. Были кулаки в некоторых деревнях. Нажили богатства во время революции, так как ходили грабить помещичьи усадьбы и разбогатели».*

Итог этого периода крестьянской жизни своей семьи женщина подводит совсем уж противоречивым рассуждением, в котором высказываемая идеологема разбивается приводимыми фактами: *«Вспоминая свою жизнь, благодарю советскую власть, Коммунистическую партию, колхоз. Только колхоз спас нашу семью от гибели. Помощи материальной не было, но мама и мы работали там, где могли. Мама на полеводстве работала, а одновременно кормила и доила коров (их было 8 в колхозе), давали ей домой лен трепать ночью. Ходили на работу я и сестра в летний период...»*

Нелогичностей такого рода довольно много в той части биографического нарратива, где описывается крестьянская жизнь семьи

автора до войны. Здесь все время сталкиваются естественная логика крестьянской жизни, которую эта женщина любит и знает, и формулы советской идеологии, которыми она пользуется при оценке преобразований крестьянской жизни. Совместить эти две линии повествования — с одной стороны, любовь и знание крестьянской жизни, с другой — идеологемы, привитые советской эпохой, — она оказывается не в состоянии.

Симптоматичным является и то, что чем дальше автор нарратива уходит от своего крестьянского прошлого, тем менее противоречивым становится ее рассказ. Реалии крестьянской жизни остаются позади и уже не противостоят языку советской идеологии, которым автор описывает последующую жизнь. Это касается и военного периода, когда она стала *«агентурной разведчицей»* в партизанском отряде: *«комсомольский билет на груди, в который вложены были портреты Сталина и всех вождей»*, *«долгожданная встреча с родной Красной армией, с родными советскими людьми»*; и того, что происходило в ее жизни после войны: *«окончила после войны педагогическое училище, а потом педагогический институт»*; *«была назначена учительницей»*; *«вышла замуж за бывшего партизана»* (называет фамилию мужа); *«в партию вступила по велению сердца в 1947 г., не ради карьеры»*; *«занималась общественной работой»* (секретарь комсомольской организации, секретарь партийной организации, пропагандист в партийной организации совхоза, делегат партийных конференций).

В описании послевоенной жизни этой женщины (которое значительно короче описания предыдущих периодов) фигурируют и подчеркиваются только те факты и события, которые считались значимыми с точки зрения идеологических стандартов советского времени. Личная жизнь и ее ценности почти отсутствуют, вытеснены этими стандартами. Она ничего не говорит о своем муже (кроме того, что он *«бывший партизан»*), о детях (кроме жалобы, что сейчас они ей не пишут). Описываемые чувства также связаны лишь со «значимыми» событиями: *«плакала, когда умер Сталин»*, *«в годы оккупации два раза Сталина во сне видела»*, *«слезы радости при встрече с Красной армией»* в конце войны. Идеологема «общественное превыше личного» зримо присутствует в ее рассказе.

Только в самом конце рассказа автор делает попытку вернуться к смыслу и оценкам своего крестьянского прошлого, когда с болью говорит об *«искалеченной мелиорацией и техникой природе вокруг», «одиноким безжизненным домам в деревне»,* о запустении и одиночестве: *«На месте, где когда-то я родилась, где была прекрасная маленькая деревня, основанная моим прадедом-солдатом, теперь ольховые кусты».* Она задает вопрос: почему рухнули основы когда-то счастливой, по ее мнению, жизни? И в том, что она не знает, кому адресовать свои недоуменные вопросы и критику, опять можно прочесть противоречие. Она оказывается не в состоянии соединить реалии своей жизни и собственные оценочные суждения, находясь на позиции человека, преданного советской идеологии. Эта идеология побеждает и здравый смысл, присущий ей как человеку крестьянского происхождения, и способность к рефлексии, которой она должна обладать как образованный человек.

Заключение

Итак, в биографических нарративах этого поколения бывших крестьян здравомыслие и опора на жизненный опыт, присущие крестьянскому мировосприятию, под воздействием формул советской идеологии со временем начинают теряться. В результате в их нарративах обнаруживаются противоречия, свидетельствующие о неспособности человека совместить практическую логику своей жизни и логику советской идеологии.

Постмодернистская теория дискурса позволяет объяснить эти противоречия как норму советского дискурса, результат «политики нормализации» индивида [Ушакин 1996: 137]. Адаптированный к советскому режиму человек не замечал (должен был не замечать) противоречий между реалиями своей жизни и пропагандируемыми идеологией ценностями, демонстрируя тем самым свою приверженность власти и свою «нормальность» как члена общества. Объяснением этих противоречий может быть и точка зрения, что последовательные моменты практики защищены от логики хронологическим развитием [Бурдые 1994: 125]. Однако в любом случае власть нормативных формул советской идеологии над мировосприятием человека читается в биографических нарративах этого социального слоя достаточно отчетливо.

Библиография

Вишневский А.Г. Социальные регуляторы и человек // Постижение: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа / Ред.-сост. Ф.М. Бородкин. М.: Прогресс, 1989. С. 52–69.

Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н.А. Шматко [Bourdieu Pierre. Choses dites. Paris, Minuit, 1987]. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 130–141.

References

Vishnevskii A.G. Sotsial'nye regulatory i chelovek. Postizhenie: Sotsiologiya. Sotsial'naia politika. Ekonomicheskaja reforma. Ed. F.M. Borodkin. Moscow: Progress, 1989. Pp. 52–69.

Bourdieu P. Nachala. Choses dites. Per. s fr. N.A. Shmatko [Bourdieu Pierre. Choses dites. Paris, Minuit, 1987]. Moscow: Socio-Logos, 1994. 288 p.

Ushakin S.A. Posle modernizma: iazyk vlasti ili vlast' iazyka. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1996, no. 5. Pp. 130–141.